

День, когда человек оскорбился своим уродством и стал жрать друзей своих

Пока я, отвлѣкшись на пѣстрый, лишѣнный смысла из необходимости использовать символ наиболее яркого проявления в пользу маркетинга рекламный баннер, ехал в метро, предо мной оказался слабый, размазанный липким блестящим пятном, чѣрный стягивающейся поверх его потускневших шафрановых ниточек сцепившихся с густой вонючей кровью перьев плѣнкой птенчик: облезшие худой слабостью крылья его сваливались в хрустящих глухих, надрывающихся и не могущих приподнять лѣгкое тело переломах, и покрытая глубокими розовыми язвами лысая головка пыталась обратиться ко мне, да сдавленные полупрозрачной белѣсой пеленой кожи глаза его не открывались: единственное, кажется, сейчас действительно важное не могло даже быть озвучено, не могло даже пискнуть, обратив меня к нуждающемуся в моѣм обращении; птенчик чуть просиял шипящим кряхтеньем, и с тем он умер. Темнота вагона всё более нависала надо мной, и скоро птенец стал незаметен, а после: пропал.

Иногда я вспоминал его: думается, в моей жизни: жизни совершенно стерильной, лишѣнной страха смерти и оной, никогда не случалось ничего подобного; с самого детства мне говорили, что жизнь человека важнее жизни животного, однако более я ничего не знал, и потому принял то за данность. Я жил, общем, и не зная о душе, плоти, теле и всѣм том, что изначально и стояло в основании знания о человеке: человеческое безумие неверия, выродившееся в желание разделить: в желание отделить один народ от другого: желание повторить историческую справедливость, когда Августин уже описал неподвластность того человеку, ибо: ибо нет смысла человеку пытаться угадать истину, когда должен он следовать Христу: зная, что человек не есть богочеловек, он знает идеал, к которому должен стремиться, и всё же он продолжает: он продолжает в умах своих низвергать народы в бездну, когда одни и без того пали там, когда сам Господь откровением открыл, что нет уже значения: что не должен человек судить, ибо есть Христос, и есть учение Христа. Ради выгоды: ради выручки, славы, исторической памяти и всего прочего, чего человек лишится при умирании тела своего земного и что одно будет сдавливать душу его во пламени ада, оплотившиеся антихристы готовы убивать, ссылая на смерть, насиловать, сжирать, унижать, подавлять, портить, отравлять, воровать, красть и давить, и всё то они готовы делать с людьми, чьи имена пишутся на их родном языке и чьи матери после обращаются к ним за помощью: война есть кошмар, который люди навлекли на себя своим грехом, и в мире, где сын рождѣн только для того, чтобы убить братьев и отца, никто уже и не думает о существах, спасение которых не принесѣт им выгоды или мирской почести. Не по подвигу воздержания даже и не по гнушению: не

называние не имеющим упование по причинам вкушения мяса: но человек признал: человек, вероятно, честный верой своей и будущий созданием, признаваемым красивым, признал всё же грех свой: признал его, как признал и благодать происходящего от греха, и с тем признал человек мясоедение нормой. Человек, развлекающийся узорами вкуса жирного мяса, есть человек, посчитавший должным убийство брата и с извращённой любовью рассматривающий долго тянущиеся маслянистыми толстыми каплями жилки мяса его: брата, которого убил он по гордыне, зная про гордыню и приняв её. Человек узнал, что не может: что слишком слаб он, чтобы не давить ломающийся под вычищенными единственностью бесполезного занятия солдата берцами череп, и потому начал он улыбаться, разрезая скальп его и обгладывая вонючие, отпавшие длинными прочными пластинами ткани, свистнувшими брызгами спавшие с рёбер его, и так человек, вероятно, даже зная про необходимость телесного лишения и умерщвление плоти, посчитал грязь чистой: посчитал мусор праведным: увидел в трупе друга сладость.

Человек, утопивший половину земель в смолах крови братьев своих, стал обглаживать торчащие из ещё живых животных кости, и животные, сильные, красивые, чистые: животные, не могущие согрешить, ибо плоть их есть Дух и святость от Господа: ибо смертная душа их есть уже воплощённая святость, как есть святость природа и небеса; и животные, гораздо более чистые, чем человек, изуродовавший красоту, данную ему от Господа, простили человека. Животные спрятались, смирившись со злом, что ядом сошло с человека от слабости, и лишились давно звери единственного инструмента, что мог использовать гадкую уязвимость его, ибо исчезли драконы во знаке собственном, когда начали змии жалить жён. Чтобы человек научился милосердию, нужна была жертва Сына Господа: чтобы зверь продолжал быть добр, его нужно было только не убивать, с чем человек не справился. Земной человек безобразнее любого зверя, если не знать о бессмертии души его: человек уродлив: морда его заляпана чернотой его плотядности, а руки погрязли в масле братской крови, и он: и этот человек решил, что он выше Господа.

Я часто вспоминал этого птенца: не жалкий, но страшный и тяжёлый несносимостью печали своей вид сильно впаивал раскалённые белыми шпагами арматуры в мой живот, и тогда я плакал: я представлял, как был несправедлив человек к этому слабому, решившему поражение своё одно встречей с ним созданию. Тогда были прокляты земли, и облитые жемчугами плодов пустыни высыпались подле рек, являющихся происхождением одним, нагих людей, что не знали в наготы своей стыда. Люди эти были прекрасны.

Свиющиеся перламутрами красивых, покрывающихся пременяющимися порами бетонов небес земли, в которых появился человек, уже были отравлены уродством чудовища: чудовища являли себя в количестве двух особей: одно уже должно было рожать других

чудовищ, как они думали, должных вернуть их к виду такому же прекрасному, как и людей; второе же вопило, и в вопле этом оно разрывало людей, что теперь стали им пищей во гордыне их.

Люди не знали, как выглядят чудовища, однако ведомо им было, что чудовища были безобразны, жестоки и страшны.

Родители, жена и дети есть самые близкие мне люди, и защита их в настоящих условиях есть главная моя задача. Когда стало известно о чудовищах, мы совсем не сразу поверили в это: точнее, мы узнали о них: мы даже решительно знали об их появлении, и не мысля, что друзья наши могут подобным жестоким образом солгать; через день о чудовищах стали говорить всё чаще, и бывшее некогда будто и чрезвычайно отдалённой от тебя правдой стало раздражать воздух после нас всё более вязкими миазмами своего яда: через два дня небеса почернели своей тяжестью, и главным, что мы испытывали, был ужас. Чудовища стали нашим кошмаром, хотя нам было всё так же мало известно: долгое время мы знали, кажется, одно их враждебность к нам, не имея за плечами опыт выживания иных людей после столкновения с ними.

У меня есть дочь и три сына; двое из них уже достаточно взрослые, чтобы помогать нам с собирательством, и потому сегодня я пошёл именно с ними. Место, где мы спим и отдыхаем, положилося у небольшого открытого поля: размышляя довольное время, я решил всё-таки, что стратегически вернее будет опереться на шанс сбежать от чудовища, чем притаиться в окончательной темноте коры деревьев; нельзя сказать, что решение это не было продиктовано моей слабостью к близким: моя жена ещё в детстве потеряла родителей, умерших от болезней, и всю свою жизнь была слабым внешностью дела своего человеком: часто я не мог отходить и на пару шагов от неё, ибо скоро та начинала трястись, дрожать и плакать; иногда такие состояния прерывались, и я был очень рад, когда нонешнее сложение относительного спокойствия совпало с временем, требующим подобных решительных мер.

Собираем мы в основном ягоды, растущие прямо у рек: их белый, иногда сливающийся прямо с радужной отне облесков сияющих будто и несменностью небес водой цвет нравится моей дочери, и потому при возможных альтернативах я всегда избираю всё же именно этот вид: чтобы она хоть поиграла с ними; дочь моя выделялась сильным, иногда даже суровым нравом, скопившимся в обязательстве смотреть за своей матерью, когда я уходил за едой; так, почти не было времени, допускающего слабость или лёгкость ума в ней, и только ягоды эти, впрочем, совершенно обыкновенные своей повторяющейся заурядностью, отчего-то так честно её забавляли. Старшие сыновья мои сильно отличаются друг от друга: оба они выросли славными сильными юношами, однако тупеющее сияниями скатившихся их искренним неприятием друг друга бледнений соревнование ещё в детстве расколола их отношения:

напрямую они никогда не разговаривают друг с другом, общаясь чаще через меня или младшего сына, вовсе едва понимающего что-то: это я принял и с этим я смирился. Мокрая высокая, вдаряющаяся в покалывающиеся уколами изредка появляющихся скосившимися лезвиями камешков пяты трава иногда сбивала наш быстрый и сильный, всё же обличающий в нас прочный, только изредка сбивающийся пестротой красоты внешних окружений страх шаг. Я шёл, и именно мне, несмотря на оперво смелый, уверенный готовностью столкновения с врагом вид, было страшнее всего: ноги мои горели особливостью напряжения скованных тугим натяжением мышц, и живот мой болезненным писком перекручивался: меня тошнило, однако устойчивое мрачной однородностью лицо моё не оголяло дрожащий во мне за близких ужас. Вероятно, сыны мои думали не о людях, которых им нужно защитить, но о своей храбрости: о героизме гордыни своей: о том, как будут они смелы в глазах слушателей, если смогут пережить столкновение с чудовищем.

Дубеющие влагой плодов воздуха оседали на нас, и очень скоро на главах, окрытых светлыми густыми маленькими кудряшками, начинали образовываться тёмные лоснящиеся пятна ровных нитей; голубые глаза сыновей моих блестели, и готовность к битве: точнее, фантазия об этой готовности: была для меня страшнее иного бездействия в поле, где сидели мои дети, родители и жена.

Когда я встретил её, мысли мои были о совершенно ином: я не думал ни о чудовищах, ни о способе пропитания, ни даже о любви: я был в чём-то и привлекателен своей исключительной беззаботностью, и произошедшее между нами произошло скорее по её воле: я не сильно препирался, и редко случающееся бление акедии во мне порой ставило наш союз под довольно острую границу своего окончания, да всё свершилось таким образом, где долг стал скорее сам представлять меня: жена моя есть та, которую я обязан защищать, и мысли эти, вероятно, в какой-то момент и замкнули меня: я уже не был способен ни на что, кроме защиты: я чувствовал свою силу: я знал, что могу помочь этим людям, и в некотором смысле даже упивался этим: оно было приятно и лестно, и словом этим я завершился. Верно, я никогда и не был силён: кроме слов, действия мои едва проявляли защитника, ибо все всегда справлялись, думается, и без меня: мысля себя одно в помощи этим людям, оказалось, что именно я нуждаюсь в них более всего, и теперь, когда мне нужно исполнять свой долг: когда мне нужно показать силу, которой я никогда не владел: именно теперь: именно сейчас я ближе всего к тому, чтобы потерять их, и плеснувшая в рот мой огранившимися кусочками вчерашних плодов рвота быстро проглочена, дабы сыны мои ничего не поняли.

Шоркающие о колени наши стебли вставших плотными сбитыми порами неедко шепчущих оветшалости наказов усиков растений чуть отвлекали теперь оделившийся

особенной внимательностью взор: если мы пройдем дальше и выйдем к воде без каких-либо внешних угроз, вероятнее всего, заход будет удачным.

Язвящий переливами красно-зелёных, таящих на еле ошевеливающих столах онемевших уколами ужаса земель кислот свет словно прерывистыми ударами освещал спавшие кружащимися ветрами высоты ещё скрывающих от нас реку растений: всё сильнее настывающие связки отказывались ходить, однако стекленеющие раскатами своих сломов глаза белели освобождением маслянистой своей аморфной спокойностью пелены небес: небес, что разможили прежнее спокойствие: небес, что променяли нашу добрую смертность на безобразное бессмертие. Будто спаряющиеся линиями горизонта воды широкой, не позволяющей увидеть за собой противного края реки начали тянуть за собой падающие вязкими гроздьями облака, и красный сальфериновыми, соединяющимися в развалинах редко нависающих надо водой кустов песками пляж открылся нам, и так мы вышли к реке. Иногда даже жемчужные яркостью красноты своей песчинки просачивались меж напряжённых скопившимся потом пальцами нашими: песок рыхлой бурдовостью оставался на почти полностью бесцветных волосах ног наших, и так обагрились начала наши прикосновением с тем, что обрелось здесь и ещё не стало в нас.

Сыновья собирали ягоды довольно быстро, и скоро слившиеся густой влагой случайно лопнувших, не доходящих диаметром и до длины ногтей шариков руки их начали оставлять на синих листьях снизу немногочисленных растительностью, свисающих именно тяжестью своих вершин, общем, совершенно голых на наличие там ягод, кустов; я же смотрел: продолжая пачкаться в большей части лопающих в дрожащих руках моих ягодах, я отвлекался на самые малозначительные и смешные воспроизводимостью своей детали, будь то треснувшие веточки кустов или наплывшая более обыкновенного зелёная волна. Глаза мои краснели воспалённостью ожелтевшего напряжения, однако за четыре часа ничего необычного так и не произошло: наконец, расслабился и я, уже утверждающий подвиг сыновей, собравших более одиннадцати плетёных корзин ягод: учитывая мои три корзины, запасов этих хватит на целых два с небольшим дня, и потому не было ничего удивительного в ясно обыденном желании умыться ото смявшегося чернотой сошедшей с песков и взбившейся иногда с ним пыли пота: солнечные лучи всё меньше пекли плечи наши, хотя вода отдавала прежней однородной теснотой своего тепла, и вслед за одним другой сын мой свистящими плесканиями блеснувшей сияниями салатových капель воды нырнул в реку, где сменяющиеся столпами ониксовых дыр волны только поигрывали бултыхающими сильными, не путающимися и в относительно скором потоке телами моих детей.

Я окончательно успокоился: казалось, ужасные силой своей тревоги смирились наконец с происходящим, и даже горячие лёгкие мягкости воздуха обличили во мне прежние

страхи; и таким всё казалось теперь ясным, и даже не верилось: не просто не верилось в слова близких, но слова их противоречили настоящему: происходящее уже не схоже со старым миром: с миром, в котором были возможны смерти, болезни и страдания: всё стало хорошо. Всё стало хорошо. Когда я, склонивший веки оставшимися узкими от неожиданно пробившейся чувствительности к уже угасающим лучам сфиолетовавших непустотами своих жемчужин светил глазами, впервые за сегодня улыбнулся, радуясь за хоть подобным образом обменивающимися знаниями о себе сыновьями, вода под отплывшими уже довольно далеко молодыми парнями почернела, и из поднявшихся неправдоподобным, разрушающим грохотом своим прежние стойкости так гладко стравливающих гладей зелёной воды пузырьём волн восстал гигантский сом с размазанной длиной в три метра пастью, и сом этот быстрым мощным движением откусил ноги моего сына, успевшего только упасть назад, беззвучно плюхнувшись лишь парой вышедших к поверхности пузырей. Тогда чернота небес спаяла во мне ненависть к миру, и я больше не испытывал ужас или страх: с момента, когда словно неказисто вылепленный из пластилина бежевый сом с окружённой краснотой схожих с человеческими губами язв пастью, человеческими глазами в месте, где в землях у тех полагаются бесчувственные тупые маслины, и толстыми, бьющими подобно хлыстам усами сожрал половину тела тут же умершего сына моего, я более не видел кошмары.

Расплывающееся бурдовым маслом прерывающихся медленно отпадающими в реку мясами нитей тело моего сына быстро спустило воздух из лёгких, начав тонуть, и только безобразное красное, растворяющееся жирной вонючей ватой пятно неправильной формы осталось от моего сына: от человека, которого всю его жизнь я оберегал от любой нелепой случайной беды: человека, рождение которого было для меня одним из самых счастливых событий в жизни: тот, на воспитание которого я положил значительную часть жизни и любую трудность на пути которого я переживал вместе с ним, был разорван впаянными в облики гигантского сома человеческими зубами, и.

Происходящее после я помнил только едва: только с той условностью, что в иную минуту мог запомнить лишь одну деталь; пока бежал в воду, я кричал сыну, чтобы тот плыл к берегу; дважды споткнувшись о кусты и распоров ногу довольно долгой глубокой, расточительно кровоточащею щелью, я надеялся отвлечь существо запахом своей крови. В безмолвных воплях небесах сын мой плыл к берегу, и размазанное ужасом лицо его пропускало к себе попадающую в нос воду; лицо моё багрело: ненависть к существу, пока ещё остающемуся для меня некоторой загадкой: я не был уверен, что это то самое чудовище, однако я знал: никто раньше, кроме нынешних чудовищ, не мог совершить подобного. Я плыл, и вены на лице моём вздымались жирными, выросшими друг на друге трубами, и тело моё покрывало будто и спаряющая горячую воду лихорадка: я плыл и кричал, однако слова мои,

кажется, сдавливались тяжестью вод: скоро я доплыл до побледневшего страхом сына. Я сказал ему плыть обратно, сам же направившись к спространяющемуся в прозрачности вод розовому остатку сплывающей в неоконченности нескончаемых вязью глубины своей масс крови. Я не знал, находится ли создание там же или: я и не думал о том, что опаснее будет не мне плыть вглубь, но оставить сына позади, и потому в болезни ненависти я продолжал нестись перед длинным шлейфом оставляемой за мною кровавой линии. В отемневших жемчужинах реки я нырял, дабы рассмотреть полагающееся в ней, и я плыл: я плыл всё глубже, однако ничего не было видно, и тогда я начал всплывать: я видел свет, однако силы ненависти моей пустили меня слишком глубоко, и всплыть мне было уже нельзя: точнее, нельзя было бы, будь я всё тем же человеком: будь я тем же, кем был с пару минут назад, однако теперь: сейчас я уже совсем отличен от этого: сейчас... меня рвало тяжестью воды и своей неподвижностью, однако я ещё успевал всплыть: я неумело подрагивал теперь только развевающимися ушедшей краснотой гнева ногами, и тогда передо мною возникло оно. Пока я задыхался изо разводящегося безобразными узорами рта выпускаемыми толстыми пузырями, существо подплыло ко мне, и я отчётливо: я точно увидел... если бы когда-нибудь: если бы хоть когда-то предо мною предстал самый отчётливый, самый невариативный своей истинностью факт, я бы был уверен: я бы мог поклясться семьёй своей, что факт этот менее точен, чем явность увиденного: это создание улыбалось: этот гигантский, порванный язвами человеческих губ, зубов и глаз сом, когда легко мог пожрать меня, смотрел на тонущего: смотрел на меня, тонущего, и улыбался: за его искусственными ртами я увидел держащие человеческие клыки дёсна, и дёсна эти держали улыбку: безобразную: отвратительную уродливостью своей улыбку. Я поплыл к нему: я был ведом только желанием разорвать его: только смыслом размозжить его в раздавленную, стонущую своей немощью мразь, и тогда, когда я уже не надеялся не задохнуться и был в одном только метре от него, создание несменно улыбкой попыло за меня: неповоротливою рвотой удушья я повернулся. В безмолвном гудении зелёной реки я видел, как сом мощными ударами тела своего плывёт к моему сыну и сдирает с его бедра, обгладывая ту тщательно спавшим во рты сома мясом, ногу.

Тогда завопил я в воде, и покрылась река пеной отчаяния моего: тогда поплыл я к сыну, не касаясь стягивающего меня копчением углей воздуха, и тогда я продирался долгим глубоким вдохом, и совне не был виден сын мой, и плыл я снова в беспроглядную черноту реки; я увидел: увидел, как потерявший сознание сын бился острой, впившейся обломком своим в другую ногу костью о тело, и оголившиеся мяса его оставляли жирные дороги растворяющейся золотистыми швами руды, и тогда раскрылась нога моя вывернувшейся мышцами раной, и тогда стал я плыть с подхваченными последними силами своими из все возможных сыном к берегу, и задыхался я рвотой плеснувшей в меня крови, и видел я, как в

рокочущей тишине бесконечной воды сом вперял в меня: он смотрел на меня, и ему было смешно; он позволил мне доплыть до берега, и после его не было видно. Сребристые перламутры вечера заглатывали тени моего сына, и скоро сблевал он ото моей помощи водой: мы оказались на берегу: я, раздавивший во глазах своих лопнувшие конечности воспалений глаз моих капилляры, и посиневший, истекающий чёрною слизью с торчащей единственностью длинной, издевательски оставленной кости ноги сын.

Когда сын очнулся, спрозрачившиеся температурой влаги лица его теряли и тот бледный, дрожащий под болью цвет, который он хоть сейчас представлял; его нога дёргалась: оборванное сочащимся угольной рудой бедро было белым, и торчащая длинным бесчувственным ударом кость его впивалась о красный, всаживающийся в глубину разламывающегося бурдовостью жирно падающей к поверхности пляжа крови мяса песок; кровь с моей ноги сливалась всё быстрее, и округ темнеющего дрожью смерти пляжа я видел только становящуюся всё прочнее белую, закрывающую все поверхности часто сбивающихся рядом форм плёнку. Я сильно ослаб, однако сын был слабее: я не смотрел назад, и в том частично проявлялась самоуверенность о собственных сил: в момент этот, когда распоротая нога моя обнажила мышцы икры, а лёгкие с несколько минут назад чуть не разорвались от воды, я был уверен: я знал, что чудовище: именно чудовище, ибо ничем иным оно быть уже не могло: что чудовище побоится меня: что не хватит дерзости в нём пойти против меня, ибо сейчас: я был уверен в том: сейчас я страшен, и только необходимость спасти сына прерывает риски жизни его. Сын стонал: взбухшие худыми пузырями содранные ткани бедра его падали, как падали и длинные вязи слипающей с волосами крови его: он терял много: очень много крови, однако был жив. Я не знал что делать: я не знал, каким образом возможно спасти его, и потому только поднял меняющееся в цвете тело на спину и пошёл; кажется, он был против этого: кажется, он даже видел мою рану и боялся за меня, однако более в его укусах и царапаньях слышалась моя ошибка: может, будь я внимательнее, я бы хоть взял его так, чтобы кровь не вытекала с ноги под его же весом: может, я бы устремился скорее к иной лозе: попытался бы помочь с раной, а уже после: после попытался бы повалить его на себя; может, если бы я был честнее с собой, в момент, когда понял это, я бы остановился: я бы дал ему отдохнуть и обвязал рану, но уже: тогда, когда дыхание его прекратилось: когда я более не слышал его жалобных тихих стонов: если бы тогда я сразу признал это: если бы я имел смелость остановиться и увериться в этом: если бы я не был так труслив, чтобы долгими часами разговаривать с уже разваливающимся телом умершего сына: если бы в тишине коричневеющей ночи я бы имел силу признать ошибку свою и слова сына: может, я бы не совершил и других. С три часа, часто падая и роняя труп, я окончательно побелел, и я умер: я умер бы, не дойдя так вовремя до места, где были мои дочь, сын, жена и родители. Когда я

дошёл до них, бред веры в жизнь сына особо обострился, и я начал разговаривать за взбухающее газами тело сына, пока кровь во мне окончательно не остыла, и я не заснул, надеясь не проснуться.

Оно... оно не может быть так: не могло быть так, чтобы сын мой: даже: даже не один сын: чтобы оба: оба моих... невозможно: совершенно невозможно: решительно невозможно, чтобы чудовища: чтобы: чтобы они... чтобы мрази: мрази: чтобы самые конченные твари такое: чтобы... невозможно: нельзя, чтобы сыновья мои: чтобы умерли они так страшно: чтобы умерли так безобразно: чтобы... чтобы умерли так бессмысленно... Я лежу: я лежу, и задача моя есть не скривиться, когда тысячи обглоданных чёрными пчелиными крыльями собак жрут меня: пока они откусывают от меня яркое своей рябой воспалённой припухлостью, сочащееся порами иступлённой мощными, слышными о всех землях воплями боли мясо, я должен стойко смотреть на это: пока меня объедают, я должен быть смиренным, и тем и было чувство нужности контроля своего, да... да эти мрази... даже... даже эта одна: даже эта омерзительная тварь: она... её... я заставляю взбукнуть её: я заставляю опухнуть детьми: я заставляю полюбить детей этих, и пусть во всаженных в неё путами клетки крюках она смотрит, как хрипят умирающие вспоротыми животами дети её, и даже... даже того: даже этого будет мало: эта мразь, эта... это...

Я не просыпался примерно двое суток, после чего, с натянутым значительными недовольством и неодобрением согласием с их стороны взяв с собой дочь и отца, пошёл в сторону реки, думая убить чудовище. Жена моя, последний сын и мать были в страшном расстройстве, и потому с ними мы не смогли бы даже найти иное место для ночлега. Жена моя умирала. Жена моя умирала, как и мать моя. И страшнее было, что всё это видел мой младший сын. Жёлтое язвами ненависти лицо моё не имело больше глаз, ибо не видел я, что происходит во действительности в семье моей, напрямую от меня зависящей; глупо полагая разом уничтожить угрозу, я отказался от защиты родных как таковой. Вздутое рассыпающимися вмятинами ненависти лицо моё спарялось жаром гнева, и чёрная злость обливала кровью наросшие локонами слёз нечистот тела мои.

Лоснящиеся смолою спадающей густыми ударами, блестящей некоснениями впивающихся в гнувшиеся тяжестью сворачивающихся вихрями оцепившего недвижные паляния беящихся обманов пота вод лбы наши углублений стали темноты небеса краснели над нами, и мои грязные тела, подобные всем остальным из страха мыться в реках вод одних, скатывали недолгие пузырчатые опухоли коричневой, смешанной с зелёностью трав грязи в сгибах локтей и коленей, и влажные липкими рубцами кожи наши блестели глянцевыми светом снова проявляющихся на них наших дыр пропускающих только едва падающий оземь свет листьев. Я наказал всем найти оружие, и лучшим из найденного моей дочкой оказалась

тупо сточенная копьём палка; отец же мой взял недлинное основание ствола с выдолбленной для него рукоятью. Я взял два толстых тяжёлых бревна: сперва я пытался держать их, прижав предплечьями к бёдрам, однако скоро закинул их на плечи и, иногда пятась и склоняясь ногами к пошатывающейся содрогающейся подо трескающимися бурдовыми бесцветностью своей сколами стопами влагой земле, пошёл за дочкой и отцом, давно знавшими эту тропу и уже сильно опережающими меня. Сбитые наливками плёнок крапины пота скатывались в капли, и они, огрубевшие грязью тел наших, разбивали плиты стравленных кровью глин земли: лицо моё теряло и прежнюю бесчувственную белизну, и почерневшие круги округ выдающихся стягивающеюся вишнёвостью лопнувших сосудов голубизною глаз моих не моргали: глаза мои смотрели вперёд, и обнажившиеся салатные облака реки напаяли горизонт вместе с взбухающими жирными, гудящими жаром ненависти трубами сосудами: я перестал отставать: я начал даже идти быстрее, и лопающиеся желтизною белков капилляры обливали спаряющиеся пламенем озросшей черноты руки кровью моей, и тогда светились алмазностию отражённых облесками впаиваемых оземь полос лун воды сомглевшейся неизвестной данностью присутствия реки: я разбрызгивал дробящиеся камнями пески, и озади меня отец онемел ужасом бездействия своего и действия моего, и дочь моя высоким писком закричала, и тогда выпустил я одно бревно к брусничности спрятавшегося за синими кустами песка, и чуть приспустил я другое, обхватив его двумя руками и начав, расплёскивая сталкивающиеся всеохватными беспросветными обручами вдавливающихся узорами лучей столпами собственными туманами брызги. Я едва знал и планировал это, однако взлетающие высокими пышными сколами волны скользили по лицу моему, и охровые, спаивающиеся ссушившимися морщинами веками глаза кричали теперь; и долгий, преломлённый сперва довольно прочными неснятыми искрами помощи, а после стянувшийся уже сленившимися ожиданиями их и сломами связок моих час окончательно истощил меня, когда безмолвные стопами пустыни вод небеса сгустились надо мной, и слезшая окровавленными воспалениями, болтающаяся бежеватым тряпьем кожа рук объяла умирающие лица мои, сдерживающие впухшие сальфериновостию шафрана глаза: ничего не произошло, и мы, оставившие на деле совершенно бесполезные оружия возле стравленных длинными вмятинами кустов, уже собирались разворачиваться, когда.

За всё тяжёлое своей немой продолжительностью время мы будто и не смотрели чуть левее: мы не могли сказать точно о том, что в той стороне пляжа ничего не было, однако я знаю: я уверен, что найденное оказалось там не случайно: не просто не случайно, но именно для того, чтобы выставить меня незнающим: чтобы... чтобы выставить меня сумасшедшим, чтобы показать слабости ума моего и тела моего: чтобы: чтобы усомнить всех в вине чужой: чтобы ослабить меня самым сильным, что я имел: чтобы нанести удар со стороны семьи: со

стороны доверия родной мне: самой дорогой мне из всего семьи... Когда я, уже сильно утомлённый, даже кончившийся в этой смученной битве с водой, вышел, я увидел взбухшее тело довольно небольшого, всё же доросшего до длины трёх метров сома, и сом этот... я много: очень много описывал внешность этого сома, и много я говорил, как одна пасть его была более длины нынешнего, и много я говорил о совершенно человеческих зубах, улыбающихся дёснах и: и самое главное: о совершенно человеческих глазах. Я обрадовался, однако и не подозревал подобного со стороны чудовища: верно, он может создавать: вероятно, он создал небольшого сома именно для того... я знаю: я уверен, что мои родные не могут мне не поверить, но то было именно... именно насмешкой: именно гадким, подобным улыбке в воде издевательством... Чудовище ужасно: своими подлостями: своими бессмысленными гадостями и жестокостями то даже... даже лишает меня слова: заставляет онеметь: лишиться Голоса.

Натужно сморщенное в эмоции, одновременно сходней с искусственной радостью и неснятым и в явственном желании отвращением, лицо моей дочери в легко спадающих лучах света сперва обратилось ко мне, тут же резко переметнувшись уже однородным точным ужасом к упавшему позднему, сродившимся именно взглядом её замечанием отцу моему. Я побежал к нему: я видел, как он задыхается, держась за сердце: он был... он был болен, и я знал это: я знал, что болеют только очень немногие люди, однако иногда всё же болеют, и отец мой был из тех, кто болел; он был болен сердцем, и я знал, что мне нужно делать: я бежал к нему, зная, что делать, однако дочь... оголившаяся девственной белизной светлая кожа моей дочери вспоролась быстро плюхнувшимся густым чёрным жиром, плеснувшим из разорванной тупым деревянным копьём руки: вспотевшая безмолвной призрачностью дочь моя ещё пару мгновений словно показательно выдавливала густую, блестящую не дошедшей до меня вонью кровь перед сморщенным болью и пробивающимися умиранием хрипами отцом: она, сглотив начавшую уходить из больного кровопотерей тела влагу во рту, сомкнула глаза, подобно отцу моему, и начала кричать. Половина из выставленных высокими неконтролируемыми, сдавливающимися неуверенным сглотыванием плевками слов была совершенно неразборчива, однако я понял: я понял, что дочь моя: дочь, с которой я единственно мог разговаривать без иных преград, обыкновенно стоящих между связанными кровью близкими, думала, что я убийца: что это я: что это я убил своих сыновей: своих любимых: своих дорогих сыновей, коими я никогда бы не пожертвовал: кого бы я никогда не пустил на смерть, которых... и я пытался подходить: я пытался подойти к ним, но дочь рвала руку свою тупым копьём, и тогда: тогда у меня начался понос: тогда живот мой заболел... заболел невыносимо: очень сильно заболел, и тогда не смог я сдержаться: тогда, погрузившись уже только по щиколотки в воде, пиоховный кал: кал, будто состоящий исключительно из крови моей, начал шлёпаться о булькающую смешивающуюся с ней желтизною воду, и тогда стало мне ещё

хуже: тогда... тогда, казалось, я начал умирать, но я: я не умирал: я... я думал, что живот мой разорвался, но живот мой был цел: мне было слишком больно, чтобы посмотреть на живот, но случайными быстрыми движениями я касался взбухшего опухолью живота своего, и тогда понял я, что живот мой не разорван: тогда страшный, смешанный с зобливыми опуханиями словно и не принадлежащего мне уже тела зуд заставил пальцы мои войти в анус, и тогда зацепили они нечто, злобной силой кусающее их, и тогда свивающиеся в анусе моём толстыми червями змеи начали отрывать кожу с пальцев моих, и будто именно тогда греющаяся ещё с брёвен инфекция во мне начала расти быстрее должного, и в нескольких мгновениях во мне нараодилась мучительная лихорадка, и свалился я, ударяя драными гниющими руками сочащийся болью и несносимым зудом анус: тогда я случайно сцепился за одну из змей, быстро сокращающихся во мне и кусающих кожу вокруг облитого чёткими кровавыми пятнами ануса, и вытащил я её из себя, освободив живот мой, и тогда стало мне легче: тогда вырвало меня кровью, и стал я продолжать выдирать из себя жирных, сильно бьющихся в неподвластности мне червей: тогда вырвал я четырнадцать червей, и стало мне легче, и тогда с едва прошедшей боли разомкнул я веки, увидев, как толстые длинные белые, облитые кровью органов моих черви зигзагами сплывают от меня, и оставшееся с их ртов, упавшее бледным рваньём подле меня мясо кружилось ещё недолго в опуханиях растворяющейся лужи крови, и открытое чернотой руд тело моё смогло посмотреть вперёд: тогда увидел я холодеющего белёсостию отца своего и упавшую, стенающую в провождаемых червивой, падающей на вздутую венами шею её пеной конвульсиях дочь. Тогда впервые я увидел отца мёртвым. Я знал, что он жив: я знал, что сердце его ещё бьётся, но я видел его смерть: отёкшие зелёной болотностью лица его белели, и отсутствующие глаза уже приняли смерть: ещё живший отец мой тогда умер, и тогда завопил я: тогда заплакал я, и тогда слипнувшая руки и тело мои слизь крови порвалась резиновыми плотиями, и тогда побежал я к ним: тогда хотел я помочь хоть дрожащей в поносе, выпускающей из ануса своего длинных, раскрывающихся извилистыми бутонами червей дочери, да посмотрела она сжелтевшими отсутствующей болью глазами на меня, и тогда прокляла она меня словом своим, и тогда взяла она со второго раза копьё своё: тогда, обливаясь скатывающим кровь и понос на неё потом, она проткнула шею раскрывшего о мгновение это одичавшими пузырями глаза отца моего, и тогда сблевал он ком крови и умер: тогда бежал я: бежал во окончательных отчаянии и слезах к ним, и хотела дочь моя вскрыть себе живот небрежно вырванным из плюнувшего соками вонючей черноты горло копьем, да закричала она: да начала кряхтеть она, каже, невыносимой, уже ставшей ещё сильнее воспалённой смертью болью, и тогда начал взбухать её живот: тогда начала она кричать: тогда видел я, как ступлённая умиранием, сбавленная кровью и рвотой слюна скатывается с её рта: как со рта её начинают вылезать гуляющие случайными узорами

гигантские черви, и живот её... он... он продолжать взбухать: он оказывался шипящим, рвущим кожу её пузырь, и пузырь это оказался больше тела её в пять раз, и тогда я плакал: я плакал, дабы то не продолжалось: я рыдал горячей кровью своей, чтобы всё остановилось: чтобы хоть я стал жертвой: чтобы хоть я умер, да.... да с позвоночника её, уже почти невидного, туго сокрытого, начали выходить острые, ломающиеся лапками насекомых палки, и дочь моя: дочь моя всё продолжала рыдать и иступлённой болью заглатываться раскрывающимися безобразные широкие, цепляющиеся длинными клыками пасти свои червями, и тогда... тогда встали на ноги выросшие с позвоночника её щетинистые лапы, и тогда... оживший неизменным взбуханием сом: сом, выросший на себе человеческие руки и передвигающийся на них, подошёл к раскрывшейся миндальной широкой дырой вагине дочери моей и начал лезть в неё: я слышал... я слышал, как сопели черви в ней: я слышал, каким шумящим шипением рвалось её тело, и пузырь: пузырь, в который уже почти полностью залез гигантский сом, надувался ещё сильнее, и я плакал: я слышал: я слышал стоны её: я слышал боль её, и я видел... я начал видеть, как оставивший только хвост вне тела дочери моей сом отрастил на нём лицо: я увидел глаза его: я увидел человеческий рот на нём, и в рыдании я начал умолять чудовище, дабы то оставило в живых мою дочь, и тогда... тогда лицо это сказала, что я должен... что я должен целовать червей её: червей, выбивающихся поворотливым долгим танцем из полагавшегося чуть ниже лица сома ануса её: я... я плакал... я чувствовал, как окончательно сгнившие белыми кремами кисти мои упали на ноги мои: как воспаление шло дальше по рукам, и... я встал на колени: я опёрся о гниющие ямами некроза руки и начать тянуться выдавленными вперёд губами к червям, и тогда червь укусил меня: тогда червь оторвал губы мои, и обнажившееся словно честной улыбкой лицо моё продолжали кусать черви, и продолжал я тянуться к ним, и тогда... тогда ствердевший тяжёлым рокотом злой голос сома сказал... он сказал, что я... что я неправильно целуюсь, и тогда моя дочь взорвалась. В отрупевшем воспалениями падающих медленно рук молчании я лежал осреди сорванных органов дочери около часа, и тогда понял я: понял, что чудовище пойдёт до мамы, жены и сына, и тогда... тогда я начал бежать... именно тогда я содрал воспаление с рук моих, и тогда остались у меня только половины плеч, и тогда застывшая болью улыбка взбитых мясом десён стекала кудрявою пеной кровью: я бежал... бежал, пока не упал: пока не упал и не потерял сознание.

Клещ, порвавший лицо сома на дочери моей... умерший от рук внучки отец мой... скончавший свой последний вздох, пока я в бреду нёс его на спине, сын... разорванный сомом, не успевший даже понять ужаса того сын... я... это я: я должен был умереть: это я должен был испытать муки оставшейся до последнего в сознании дочери: это я должен был... если... если я вернусь к сыну: если я вернусь к маме и жене, они... они умрут: они умрут даже страшнее: они будут: они будут видеть, что видел я, и... перед лицом их: перед глазами их постоянно

будут взбухшие смертью тела родных: тела бьющихся в кровавой рвоте близких, и лица их: лица умерших... их лица вечно будут смотреть на меня, и чернота глаз их никогда не отлипнет от безрукого безротого, облитого ссушившейся пёстрыми чешуйками рудой тела моего.

Я... кажется, я проснулся, да... да темнота, да боль: невыносимая... тянущая... даже... даже рвущая боль режет меня: режет обугленные болтающимися кусками мяса культы, и рот мой: я... я не могу его закрыть: я не могу не давать сохнуть взбившимся в кашу дёснам, и зубы мои падают: падают они, иногда застревая в горле и режа её, да... да то не так страшно... боль эта... в боли я уверен: я знаю: я точно знаю, что руки мои язвенными опухолями спали с тела: я знаю, что губы мои отодрали белые безобразные червяки толщиной с мужское плечо, но... но я не уверен, есть ли они: есть ли сын мой: есть ли жена или мама мои в той темноте: в темноте, что теперь всегда вокруг меня... Я иду: бывает, я иду: верно, я не могу быть уверен в том, что я иду: что я вовсе есть ещё, а не мучим галлюцинациями чудовища... я иду, и вокруг: в темноте: в густой ночной темноте вопящего отсутствующим для меня солнцем дня я вижу существ, но существа те пугают меня не схожестью с чудовищем, но тем, что они имеют тела сына, мамы и жены моих, и глаза их выколоты: рты их порваны, но я знаю: во взбухших воспалениях дрожащих страданием ран я замечаю их особенные, совершенно незначительные чаще детали, и... Я вспоминаю мамину родинку на шее: такую выпуклую, даже некрасивую скорее, но такую... мне она нравилась: я любил её, как... как любил и маму... она всегда была такой... такой человеческой: такой хорошей и доброй, и кажется даже, когда... ну, когда пытаешься вспомнить детали внешности или личности, что человек этот делал так много: что столь изрядно она трудилась, что так серьёзно работала именно со мной, что для неё не оставалось более места: что она стёрла себя, дабы неумело болтающие слабости мои пошатывались знамёнами над уже исключительно моей семьёй: семьёй, что я сам начал: что я взрастил и... семьёй, что я погубил... я... я стал причиной смертей сыновей, дочери и отца, и умерли все: все они умерли так ужасно... так мучительно, и... и ведь даже если... Даже когда она убьёт их: даже тогда он не остановится... он не даст мне умереть, и ведь: ведь я не могу быть уверен в уме своём: я не могу точно знать, что не обезумел, ибо... лучше бы то было моим безумием, чем реальностью... я не знаю: теперь я ничего не знаю. Теперь я ничего не понимаю, однако цель моя: цель моя есть сбежать: уйти как можно дальше и от образуемой чудовищем реальности, пусть то даже будет позволяющим пройти лишь метр во день ходьбы лабиринтом: я уйду: я уйду так далеко, чтобы он не мог показать их смерти... чтобы... хотя, он может и доволочить: он... кажется, оно может не только умерщвлять, но и оставлять жизнь в человеке, как оставил в дочери, когда безобразными страшными нарывами она набухала, когда... тогда... тогда это будет ошибкой, и я должен: напротив, я должен идти к ним... тогда... тогда всё это было ошибкой... тогда... болит: ужасно болит: стонут руки мои кошмарами, и вонючие культы

мои слипаются в грязи, и воспаления: начинаются... верно, начинаются новые воспаления, и в рот мой... в рот мой заползают мухи, и не могу я... не могу я отогнать их, и тогда: тогда глотаю я мух... тогда... тогда начал Человек становиться плотоядным. Раньше мух не было, и те, что теперь откладывают ползающие в моих щеках личинки, так... так яростно жуют меня: так прожорливо кусают мою кровь... мои плоти... я должен идти: идти, наверное, обратно, хотя я: я даже и не знаю, куда я иду, и... очень больно... я не могу... мне очень больно... всё шипит... всё пищит... я, верно, должен даже и не идти... а... а просто стоять: стоять, раз я не смог решить, что мне делать... стоять: я должен стоять: я не должен двигаться: я не должен двигаться, но тогда... тогда личинки с культей моих будут ещё язвеннее жрать меня, и тогда... тогда мне нужно идти, но в сторону: в такую сторону, чтобы я не шёл ни туда... я не должен идти туда: и туда я тоже: туда тоже я не должен идти... я должен выделить: я должен понять, как это: как идти, чтобы... чтобы никуда не идти... чтобы не приближаться и не отдаляться... мне больно: мне очень больно... я бы... если бы конское ржание личинок было бы тише... тогда... тогда бы я смог: я мог бы попробовать заснуть: заснуть, чтобы ничего не чувствовать более: чтобы не знать уже ничего... чтобы... больно: невыносимо: несносимо больно... меня жрут... меня едят, и они так извиваются... так... в маслянистом сухостью теле моём... они... они скрежещут по мне... они ножами режут уже оторванные мышцы, и... больно: как же больно... я буду идти: я буду идти, подражая бездвижности, и тогда... тогда я смогу... тогда обломанная холодом утра морозность стянется, и тогда... тогда падут жары мои, и... я не ел... я уже долго: очень долго не ел и не пил, и горло моё: горло будто свернулось самосъедающимся цветком, и... я, кажется... кажется, я умираю: я думаю, что умираю, и тогда: тогда руки из темноты тянутся ко мне: тогда голые трупы моих близких... тех, что уже мертвы и... и тех, что умрут из-за меня... они... они умрут из-за меня... их... их лопнет... они взорвутся: взорвутся они... их разорвёт, как... как разорвало тогда доченьку мою... я помню: я помню её лицо... я помню, как такое дорогое мне... как вчера блестящее остротами лицо взрылось взбухнувшими венами: как рот её выблёвывал рвущих её щёки червей... как... как ожелтевшие выпученностью глаза смотрели на меня: как она кричала: как крик её вонзался в мой позвоночник: как лишал он меня движения, и... и как заполз гигантский сом в неё, как... как я целовал... я не могу: очень больно: я не могу так: я умираю: я падаю: я заканчиваюсь. Я заканчиваюсь как человек. Я... я вижу её лицо: я закрываю глаза: я в темноте, общем, подобной той, что всегда округ меня, да... да я везде вижу лицо её... я вижу, как она недавно хихикала: как улыбалась мне, как радовалась моему приходу, а после... после рыбный разорванный труп её: после размозжённый давлением, выдающий ещё смотрящий прямо на меня сохранениями своими глаз череп, и вонь эта: и... и боль её: я чувствую боль её: я чувствую запах её трупа: я вижу, как глаза её выдавливались из-за червей... я вижу, как клещ ею ходил... как хрипела она кровавой рвотой...

как... как ненавидела она меня: как хотела она тогда смерти, когда убила отца моего: моего... папу моего... она ведь... она боялась меня... она... она думала, что это я, и... и даже немного радостно: немного радостно, что отец умер так: что не взбух он гигантским клещом... что... что быстро он умер, и... и радостно ещё, что доча... что она поняла... что ясно ей стало, что это не я, и тогда: тогда снова предо мною позеленевшее тело отца, и ведь... и ведь так чётко выделялась в лице его смерть: так ясно тогда я понял, что он умрёт... и сын мой... он ведь ничего не понял... совершенно: совершенно ничего не понял... он плыл... он плыл, и... мне больно... мне так больно... я умираю... я умираю, и слёзы мои: слёзы, что стекают с меня сейчас: я... я чувствую каждую слезу: я чувствую, как плачь осушает меня, и тогда я рыдаю: тогда стону я ещё громче, и руки... из темноты руки хватают меня, и вот... и сын мой смотрит на меня... сын мой видит меня и говорит... он говорит, что я должен был дать ему отдохнуть, что... что я должен был дать ему траву какую, что... что я должен был обмотать рану: что жизнь его... что... что это я его убил... и тогда... тогда рычит он на меня: тогда голос его сильнее древ, и кричит он на меня, что это я его убил, и тогда вижу я, как умирают беззащитно мама, жена и сын мои, и тогда: тогда рвут их: тогда насилует их существо, и тогда волочат их ко мне, и... и ведь... нет: нет, я должен остаться: я не должен двигаться: я должен остаться, но... больно: очень: очень больно: мне плохо... я...

Я умираю... и... вокруг меня мертвецы... вокруг меня вонючие... вокруг меня жёлтые мертвецы, и все лица эти: лица любимых: лица единственно важных мне... всех их убили... всех их размозжили... всех их раздавили и разорвали, и всю боль: всю боль они испытали от меня: да... да, это я виновен... я знаю, что это я есть зло: что именно то... именно то, что произошло, произошло по моей вине, и потому... пробитые кровью близких луны упирали глаза отупевших жирных лиц своих на меня, и я смотрел на них гневом. Я ненавидел светила. Я ненавидел людей, чудовищ, землю, воду и грызущих меня личинок, и тогда вошёл я в горящий, случайно стоптанный ко мне лес, и знал я, что умирающие, выбегающие из него люди есть жертвы чудовища, и тогда я начал гореть. Вонь тела моего перебивала смрад чужих горящих тел, и в огне, шипя падающей оземь кожей, я искал чудовище, чтобы: чтобы окончательно решить его: чтобы спасти близких от скорой смерти: чтобы уберечь и остальных людей. С три минуты я ходил в огне, пока глаза мои выливались поседевшими дымами маслами: пока личинки выпрыгивали из меня, а кожи твердели ониксовой бронёй. Я вышел из пламени, однако чудовища здесь не было, и тогда я знал: в этот момент: может, даже и только в этот момент, но чудовище меня боялось: это безобразное, представляющее перед всем надуманную искусность своего творения существо показывало всем себя, однако скрылось, когда настоящая боль во мне готова была пожертвовать жизнью ради хоть незначительнейшей боли чудовища... ради... Вокруг меня продолжало рвать кровью мертвецов, однако теперь я не

мог видеть и сомкнутую светом темноту: тогда я, выдавливающий свой оголённый череп и вправивший мышцами, жирными корками отвердевшей дермы ноги, шёл, и шёл я к чудовищу.

Ставшиея красными камнями угли сбитых плесенью смерти дорог обжигали ноги мои, и сламывались кости сбивающимися о парящий гневом его горделивой позы хруст ветками: он спепелял всё, и всё стачивалось ядом его зубов: он был гневен: он... оно, чудовище это, было омерзительно в безобразной числом своим гордыни, и позолотом он выправлял вихры своих игр, и тогда снималось всё, и тогда... было чудовище безобразно: было именно с тех пор, как стало чудовищем, и тогда онималось о нём безумие мыслей о себе, и... оно думало: чудовище думало только о себе, и потому игры, которые оно позволяло себе: охота, которой чудовище только развлекалось, ни капли не трогала его: так чудовище любило себя: любило жестокость и гордыню свои, что даже, общем, и не знало, что у людей есть душа: что мы, слабые и чаще беспомощные против его сил, тоже имеем сердце: мы имеем ум, и мы имели ту же слезу того же плача. Всё чернело: всё становилось таким однородным, таким глупым и бессмысленным: таким... таким подобным чудовищу, что уже не было более ничего: земли, в которых когда-то играли дети мои: земли, где мои родители целовали ещё небольшой блестящий лоб мой: земли, где жили подобные мне овечьими слабостью и безобидностью своими, были уничтожены самыми изуверскими: самыми извращёнными способами. Я помню, как играл здесь с сыновьями: я помню, как тут дочь моя научилась стоять на одной ноге: я помню, как жена моя, лишённая рассудка, выплёвывала густую пену изо рта, однако... однако тогда это всё было так спокойно: так непринуждённо и тихо... Сейчас же: сейчас всё орёт: всё кричит кровью жертв, и чудовище смотрит: чудовище, теперь стоящее во нелепо обивающей его сильное тело позолоте, смотрело на меня, и с тем я двигался к нему; глаза мои были выжжены огнями его гордыни, однако я шёл: я напирал всё далее, ибо я уже не мог ничего потерять: я знал, что родные мои умрут, и я был бы даже рад: даже: даже уверенно я бы прервал жизнь их, дабы они не жили в мире, где эта озолоченная смешная поза правит всеми, где жизни наши есть только корм: где мы есть одно еда для горделивых грязных уродов: для безобразных слизней, вытанцовывающих снова и снова свои пошлые танцы...

Я шёл... я шёл очень долго: я придвигался всё ближе к уже отстоящему от меня на три километра чудовищу, и тогда он исчез: то могло быть чем угодно: то могло быть трюком или ловушкой, но я шёл: я чувал запах умирающих в огне друзей своих: я шёл, и ноги мои твердели: они нарастали: в огнях они нарастали мышцами, и даже болезни, что в хождении моём на меня насылало чудовище, проходили мимо меня: болезни должны насылаться на живых, однако уже давно в осушившихся камнем теле моём не было жизни: я шёл, и был я наказанием чудовища. Хрипящие дыбы моих дыханий и оступаний мощных ног сменяли пустоту пламени, и скоро огни камней закончились: скоро всё снялось снова, и ходил я уже по телам: я знал, что

чудовище потопило земли эти в крови людей: я знал, что чудовище трусливо полагало, будто я не пройду: будто я остановлюсь, не желая убивать наполовину задавленных, ещё дышавших в гигантской чёрной луже гниющего мяса людей, однако ноги мои были суровы и мрачны, и оставшееся черепом лицо отдавало болью моей, и люди соглашались: люди отдавали свои жизни, дабы я закончил чудовище: чтобы я дал почувствовать ему хоть миллионную от того, что оно заставило чувствовать и самого слабо раненного из раненных им; я шёл, и ноги мои давили благословляющие на ход этот худые глотки, и пошёл я по детям: шёл я по изрезанным чудовищем детям, чтобы дойти до него, и родители детей разрешали мне давить их: идти по ним в этом море тел, чтобы я наказал: чтобы я показал чудовищу, какую боль оно привнесло в мир, и после... тогда, когда радуга сменилась стоном умерших, чудовище слепило из матери, жены и сына моих широкую длинную сетку, разостланную по земле, и по сетке этой я не мог не ходить, если желал идти к нему, и во петлях мышц их они чувствовали страшную, сворачивающую ткань из тел их пружинами страхов боль, и тогда пошёл я: я искал: я хотел найти в часто падающих на них трупах опухоли лиц их, ибо знал я, что они есть: я шёл, и увидел: я увидел, как жена моя улыбается: я увидел, как держат натужную улыбку сын и мать мои, и тогда понял я, что согласны они были с этой болью: что имеют они решимость пожертвовать собой, дабы чудовище узнало: чтобы чудовище увидело кошмар боли, в котором оно утопило земли человеческие. Я быстро сорвал лица их оставшей в камне небольшую яму ногой, и тогда бежал я: тогда окончательно отпали ветоши кож моих, и бежал я чуть обёрнутым тяжестью кожи скелетом со толстыми сильными ногами, и мог я больше не отдыхать: мог я больше не отвлекаться на стоны, ибо они прекратились: чтобы помочь мне, все люди в мире замолкли, и тогда начали отдельные из них подходить, чтобы я их съел: чтобы я проглотил их, дабы после: чтобы после того озросли во мне рога, копыта, тяжёлые слои бегемотовых кож, позволяющих держать равновесие хвосты; длинные когти, силы лошади, выживаемость таракана, восстановление медуз и панцири черепах, и тогда выросли во мне шесть пар мощных длинных лёгких крыл: тогда я взлетел, и тогда настиг я чудовище.

Спереди тело моё было облито непробиваемыми слоями чёрной, усиленной чёрными брёвнами слоновьих ног брони, и броня эта выправлялась длинными острыми иглами сбитых рогов, и под этими чёрными иглами были иглы меньше, и ноги мои были более во три раза остального тела, и сколотые лезвиями рога на них есть ещё тяжелее и чернее рогов на теле; я имел четыре хвоста разных длин и толщины, и были они все чёрные; я имел шесть пар чёрных крыл, и четыре пары держались за мною прочным каменным панцирем; культы мои свивались длинными, блестящими чернотой лезвиями, и глава моя была покрыта только едва позволяющими увидеть черноту дыр глаз и рта иглами. Так я настиг чудовище.

Чудовище, кружащее златами жемчужных блесков своих, превратилось гигантским лицом во светило, и светило это звёздами спепеляло всё, и свыкся я с тем со второго мгновения, и взлетел я над ним, ударив разmozжившим искусственную улыбку жирного светила взрывом, и тогда разорвались горы, и стекла с солнца густая вязкая кровь, подобная крови нашей, и тогда вспарил я шестью крылами, оставив две пары озади, и тогда управлялся я одним хвостом: чудовище выдавило из себя гигантские, сходные размером реке рога, и рогами этими он остроил округ себя почти бесцветные бежеватостью своей узоры, и тогда возникли округ него летающие сферы прешевеливающегося глистами и горячее, плещущейся о все стороны и ко мне рвотой мяса, и двумя хвостами со тремя парами крыл я взмыл плоти эти ко спарениям, и раздавил я ударом одним чудовище со строением своим; тогда вырвало чудовище десятью охранителями, и остроило оно узоры во десять раз более, и перламутровые света полётов их распались пред силами моими, и так же сколол я панцирь чудовища, и достал я его, и тогда увеличилось оно во теле человеческом, и исполинскими размерами стал ударять меня, пока я резал лезвиями своими и бил ударами мощных ног его, и тогда кислотами вылившихся из него червей он разделился на тысячи подобных себе, и бежали они ко мне, и пятью парами крыл и тремя хвостами я разбил их, и тогда быстро упавшее чудовище вросло в землю, и стало оно прятаться смешиванием со землёй, и тогда разбил я землю, и выдавился из неё он, и отрастило чудовище крылья, и взросло оно опухолью желтеющей светом искр жизни своей, и шесть пар крыл моих со четырьмя хвостами бились с чудовищем, и битва та была на равных: на равных защищался озолоченный алмазами, орванный болтающимися органами труп, и тогда, когда должен был срезать я горло его: тогда опухоль в нём расстылась великим пламенем, и разбил взрыв этот тело моё, и стемневшие чернотой смерти слепые глаза мои долго скатывались над мощными ударами издевательски палящего ко мне солнца, и тогда: когда я умирал: умирал, пожрав тысячи сильнейших друзей, дабы спасти всех от чудовища, всё же убившего меня и со всеми теми силами: тогда я узнал, что второе чудовище во мгновение это родило миллиарды подобных же, и тогда дыхание моё кончилось.

Так человек изуродовал себя, и так уродство его заставило зверей есть себя же: так в мир была пересажена болезнь, и болезнь эта была человеком.